

Нарбут Николай Петрович

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
Российского университета дружбы народов

Троцук Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

**СТРАХИ И ОПАСЕНИЯ
РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА:
ВОЗМОЖНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ
ФИКСАЦИИ [1]**

Аннотация:

В статье обозначены основные форматы концептуализации и эмпирической интерпретации понятий «ценностные ориентации» и «страхи». По материалам эмпирического исследования, реализованного на студенческой выборке в Российском университете дружбы народов, показан возможный формат операционализации проблематики страхов в тесной связи с изучением ценностных ориентаций молодежи, для чего в тематическую структуру анкеты должны быть включены следующие блоки вопросов: о смысложизненных приоритетах студенчества; о репертуаре страхов современного молодого человека; об общем уровне тревожности и стратегиях преодоления дискомфортных состояний. Распределение ответов на них в каждом блоке можно рассматривать в свете социально-демографических и иных различий.

Ключевые слова:

ценностные ориентации, страхи, студенческая молодежь, эмпирическое исследование, опросный инструментарий; теоретическая, эмпирическая и операциональная интерпретации.

Narbut Nikolay Petrovich

D.Phil. in Social Science, Professor,
Head of the Social Science Subdepartment,
Peoples' Friendship University of Russia

Trotsuk Irina Vladimirovna

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Social Science Subdepartment,
Peoples' Friendship University of Russia

**FEARS AND HOPES OF
THE RUSSIAN STUDENTS:
POSSIBILITIES OF EMPIRICAL
FIXATION [1]**

Summary:

The article presents the major formats of conceptualization and empirical interpretation of such concepts, as 'value orientations' and 'fears'. Basing upon the results of the survey conducted in the Peoples' Friendship University of Russia the authors propose to measure fears by the following sets of questions: students' life priorities; the repertoire of fears of a young person; the general level of anxiety and strategies of overcoming uncomfortable situations, etc. The distribution of answers to the questions in each set can be analyzed in the context of socio-demographic and other differences.

Keywords:

value orientations, fears, student youth, empirical study, questionnaire; theoretical, empirical and operational interpretation.

В последние годы ценностная проблематика, по определению обладающая вневременной актуальностью, обрела особую популярность, став фактически тематической доминантой репрезентативных массовых опросов населения в большинстве стран мира, особенно если они переживают те или иные социально-экономические или политические трансформации. Для корректных методических решений в многочисленных и весьма различающихся по своим задачам массовых опросах в социологии разработано множество вариантов теоретической интерпретации понятий «ценности», «ценностные ориентации», «социальные установки» и прочих, благодаря чему любой заинтересованный исследователь, даже не обладая необходимой подготовкой, получает в свое распоряжение фактически готовый к тиражированию инструментарий, неоднократно доказавший свою эвристичность и эффективность для соответствующих тематически сфокусированных эмпирических проектов.

Мы сознательно используем максимально широкое понятие «исследователь», потому что перечисленные выше термины, позволяющие социологам фиксировать доминантные мировоззренческие черты базовых социально-демографических групп современного общества, сегодня стали поистине междисциплинарными. Многие авторы проводят теоретическую и эмпирическую интерпретации «ценностей» и «ценностных ориентаций» как абсолютно синонимичных концептов, хотя, конечно, правильнее разводить ценности как более абстрактные, общие понятия. В веберовском смысле это «интерес эпохи», отражающий доминирующую в конкретном обществе в заданном социально-историческом хронотопе идеологическую матрицу и ценностные

ориентации – реальное воплощение составляющих суть «интереса эпохи» ценностно нагруженных компонентов в поведении и жизненных предпочтениях отдельных индивидов и групп.

Концептуальные основы социологической работы с понятиями ценностей и ценностных ориентаций заложили многие известные ученые, и лишь одно перечисление достойных упоминания имен заняло бы несколько страниц, поэтому обозначим лишь базовые теоретико-интерпретационные контексты социологического «разговора» о ценностях, принципиально важные для эмпирических исследований мировоззренческих доминант массового сознания, которые сложились во второй половине XX в. как продолжение и развитие идей классиков социологической мысли (Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, У. Томаса, Ф. Знанецкого и других). Во-первых, это многочисленные концептуальные уточнения ранее разработанных теорий и моделей – не в целях их критики или корректировки, а исключительно для валидации эмпирических «замеров». Например, М. Смит выделил три компонента социальной установки – когнитивный, эмотивный и конативный; М. Рокич развел установки на объект и на ситуацию, то есть ценности терминальные (цели) и инструментальные (средства); В.А. Ядов предложил иерархическую модель регуляции поведения личности, где ценностные ориентации расположены после элементарных, социально фиксированных и базовых социальных установок, то есть выступают как ориентиры, зависящие от всех этих иерархических уровней [2].

Во-вторых, это моделирование и апробация разнообразных вариантов эмпирических «замеров» ценностных ориентаций, в первую очередь, в сравнительном (поколенческом, временном, страновом и прочих) контексте. Например, опросники С. Морриса, Ш. Шварца, Л.Б. Косовой, методики А. Эдвардса, Г. Олпорта, Ф. Клакхона и Ф. Стродтбека, Л. Гордона, контент-аналитическая схема М. Гудмана, техника семантического дифференциала [3] и другие. В целом социологи, при наличии соответствующих возможностей, предпочитают сочетать несколько методических решений в одном исследовательском цикле для повышения надежности и валидности данных.

По сути, сравнительные исследования ценностных ориентаций за последние столетия оформились в отдельную область социологии с обширными теоретическими и методологическими наработками (см., например: [4]), которая достаточно отчетливо распадается на три группы эмпирических проектов: массовые опросы, основанные на самых разных методических решениях, но с приоритетом количественного подхода; применение качественных, «мягких» методик социологического поиска на небольших репрезентативных или целевых выборках; вторичный анализ результатов мониторинговых проектов или данных, допускающих, пусть и ограниченный по возможностям экспликации выводов, сопоставительный анализ [5, с. 3].

В последние несколько десятилетий в социологии активизировалась разработка проблематики катастрофического/кризисного сознания. Сегодня можно говорить об институционализации социальных страхов как предмета социологического анализа. Однако две указанные тематики (с одной стороны, ценности и ценностные ориентации, с другой – массовые страхи и тревоги) крайне редко взаимосвязываются в эмпирических исследованиях, несмотря на то, что в широком междисциплинарном контексте сегодня практически общепризнанно, что мы живем в «обществе риска», что устойчивой формой массового сознания стало «катастрофическое», что большая часть страхов, испытываемых современным человеком, социально детерминирована [6] – это опасения социальных объектов и ситуаций социального взаимодействия. Значимые различия в эмпирических данных прослеживаются только в том, насколько широк и «специализирован» «репертуар» и степень проявленности различных страхов у разных социальных групп под влиянием объективного социально-экономического и идеолого-политического контекста их жизни и устойчивых коллективных представлений, в таковом формирующихся.

Конечно, проблематика страхов более междисциплинарна, чем ценностная, и социологический контекст здесь вычленишь сложнее по причине более ранней институционализации соответствующих исследовательских направлений в иных дисциплинарных полях. Так, философское осмысление феномена страха в его онтологических и аксиологических ипостасях датировалось Античностью и со временем лишь обогащалось гносеологическими и психологическими акцентами; существенно позже формируется не менее внушительная психологическая традиция изучения страхов и – шире – явлений «тревожного ряда» (например, З. Фрейд называл страх «узловым пунктом», в котором сходятся самые важные вопросы душевной жизни человека [7]). Тем не менее, несмотря на основательную концептуальную проработку и апробацию различных методик «измерения» страха, данное понятие по-прежнему остается дискуссионным в силу отсутствия единого подхода к его теоретической и эмпирической интерпретации; к оценке механизмов, его порождающих, способов реализации страхов; соотношения позитивного и отрицательного, реального, потенциального и воображаемого, личного и ситуативного в продуцировании страхов, биологических и культурно детерминированных активаторов страха; к выделению оснований для типологизации страхов – обычно это характер объекта опасности (реальные и иррациональные страхи) и интенсивность («нормальные», фобические и панические страхи) и т.д.

Сегодня в социологической литературе страхи рассматриваются как одно из проявлений и результат кризисного состояния общества и трансформаций социальных систем, как сильнейшая детерминанта переустройства духовных ориентиров и ценностных ориентаций, а потому эмпирические исследования страхов фактически исходят из утверждения У. Бека, что в современном «обществе риска» в связи с разнообразием опасностей невозможно дать рискам какое-либо унифицированное определение – они представляют собой скорее не реальные и/или потенциальные угрозы, а некую систему альтернатив выбора в ситуации вероятности катастрофы и отражение опасностей в массовом сознании [8]. В обществе риска распространены массовые страхи – тотальные, повсеместные, постоянные, настолько рутинизированные, что становятся «прозрачны» для концептуального осмысления и эмпирических «замеров», благодаря, прежде всего, средствам массовой информации, которые постоянно «обогащают» общественное мнение знаниями о репертуаре, вариативности, степени опасности, масштабах распространения и уровне «нормальности» разнообразных рисков и страхов, с большинством из которых мы никогда не встретимся воочию – ни в рамках собственных жизненных проектов, ни наблюдая за повседневными реалиями своего ближнего социального круга.

Вот почему социологи все реже акцентируют внимание на детерминации различными страхами и тревогами однозначно деструктивных форм поведения (агрессии, насилия, дезадаптации и прочего) на микро- и макроуровне, а предпринимают попытки (1) представить репертуар страхов, характерных для конкретного общества в целом и/или для отдельных его социально-демографических групп, как таковой или как индикатор социального самочувствия; (2) оценить силу, специфику и распространенность какого-то конкретного страха (например, безработицы или смерти); (3) смоделировать доминантный модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз стране/обществу. Так, с 2008 г. в российском обществе фиксируется следующая устойчивая тенденция: страхи, довлевшие над социумом 10–15 лет назад (распад страны, гражданская война, экономический коллапс и т.д.), утратили свою актуальность или остроту (терроризм, «чеченский фактор» и другое), переместившись на периферию общественного внимания [9], причем ни один из массовых страхов не локализуется в рамках отдельных социальных групп – их испытывает большинство россиян (около 70 %), независимо от пола, возраста, дохода, профессии и т.п. Сегодня россияне «испытывают постоянный страх» перед «болезнями близких и детей» (49 %), «собственными болезнями и мучениями» (28 %), «бедностью, нищетой» (25 %) и «мировой войной» (27 %); каждый пятый сильнее всего боится смерти (21 %), стихийных бедствий, потери работы, произвола властей и беззакония (по 18 %); меньше доли опасаются потери сбережений и нападения преступников (по 16 %), публичных унижений и оскорблений, СПИДА и возврата к массовым репрессиям (по 15 %).

Результаты репрезентативных массовых опросов россиян несколько отличаются в зависимости от используемого инструментария (впрочем, обычно в пределах статистической погрешности), однако диагностируемые социологами общие тенденции совпадают: россиян больше всего беспокоит будущее детей, они боятся болезней и потери близких, бедности и нищеты, безработицы, старости и беспомощности; вторую группу угроз формирует преступность, стихийные бедствия, национальные конфликты, войны и т.д. В целом россияне «мало интересуются событиями во внешнем мире, а новые угрозы и надежды для себя находят внутри страны, а не за рубежом» [10].

Таким образом, схематично обозначенные выше теоретико-методологические основания социологического анализа ценностных ориентаций, страхов и опасений массового сознания позволяют «замерять» мировоззренческие доминанты молодежи как особой социально-демографической группы сквозь призму страхов, надежд и опасений (надежды выступают как элемент контекстуализации страхов в целях снижения пессимистично-негативной тональности вопросника, им посвященного). Вторичный анализ данных социологических исследований, в той или иной степени фокусирующихся на проблематике страхов, показывает, что для «измерения» мировоззренческих доминант молодежного самосознания можно использовать следующую условную типологию страхов:

- опасения экономической дезадаптации (безработицы, бедности и т.д.);
- страх социальных субъектов, которые могут представлять угрозу физическому существованию человека (преступность, экстремисты, террористы и т.д.);
- страхи, связанные с опасностями ухудшения здоровья вследствие вредных привычек и неизлечимых/трудноизлечимых болезней, которые подкрепляются утратой веры в возможности получения качественной медицинской помощи; опасения не достичь желаемых целей (хорошее образование, высокооплачиваемая работа по душе и прочее) или неизбежность нежелательных состояний (службы в армии);
- страх перед природными, антропогенными и социальными катаклизмами.

В июне 2013 г., исходя из обозначенных выше форматов концептуализации, типологизации и эмпирической интерпретации страхов, на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов был разработан инструментальный опрос, реализованного в форме анкетирования на репрезентативной выборке студентов. Поскольку в полевом этапе ис-

следования принимали участие студенты-социологи 3-го курса факультета гуманитарных и социальных наук, было решено снизить сензитивность и «пафосность» опроса про надежды и страхи современного студенчества, используя в анкете обращение к респондентам на «ты». Опросный инструмент для понимания репертуара страхов современного студенчества был сконструирован таким образом, чтобы полученные данные позволили решить ряд задач, указанных ниже (по каждой из них приводится неполный перечень вопросов и вариантов ответов, использованных в анкете, что обусловлено объективными ограничениями объема публикации).

Во-первых, необходимо выявить ключевые смысложизненные приоритеты студенческой молодежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха). В частности, в анкете студентам было предложено завершить высказывание «Обучение в университете для тебя, в первую очередь...». Абсолютные лидеры ответов респондентов – «...возможность стать квалифицированным специалистом, получить “корочку” для трудоустройства и знания, необходимые для жизни», – они набрали по 44 % и говорят о весьма прагматичном восприятии молодым поколением сути и возможностей высшего образования, хотя ненамного отстает от них вариант «...возможность саморазвития и самореализации». Налицо сочетание весьма утилитарных и практических целей получения образования с принципиально важным его потенциалом по удовлетворению высших потребностей личности.

Другой вопрос первого тематического блока: «Для тебя лично успех – это прежде всего...» – семейное благополучие (58 %), материальный достаток и богатство (47 %), творческая самореализация (44 %) и карьерные достижения (35 %), то есть наблюдается достаточно сложный комплекс параметров самооценки респондентами себя как успешных людей. Тем не менее, уже по распределению ответов на данный вопрос можно «прогнозировать» достаточно высокий уровень тревожности российского студента – достичь всех четырех элементов успеха в многослойном обществе постмодерна крайне сложно. Причем респондентам важно признание и уважение, в первую очередь, семьи, близких и друзей (64 %), а собственная самооценка как успешного человека значительно отстает от ближнего круга (15 %). Чтобы достичь успеха, по мнению студентов, человеку, в первую очередь, нужны следующие качества: трудолюбие (59 %); коммуникабельность (52 %); целеустремленность (50 %); талант, способности и оптимизм (по 41 %); честность и амбициозность (35 %); умение идти напролом в достижении своей цели (34 %); расчетливость (30 %) и исполнительность (28 %) – список необходимых критериев получился не только внушительным, но и весьма разномастным, то есть сочетать в себе все эти черты крайне сложно.

Наконец, отвечая на вопрос «Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, ты бы сосредоточился?», студенты вполне консолидировано назвали, по сути, объективные факторы, которые мешают им стать успешными с помощью своего трудолюбия, коммуникабельности, целеустремленности, талантов, оптимизма и прочих качеств: отсутствие системы социальных гарантий, а также блат, взяточничество и коррупцию (таблица 1).

Таблица 1 – Процентное соотношение ответов студентов на вопрос: «Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации. На решении каких проблем ты бы сосредоточился?»

Реформа социальной сферы (человек должен быть уверен, что даже старый или больной он сможет вести достойную полноценную жизнь)	63,1 %
Искоренение блата, взяточничества, коррупции	45 %
Сокращение бедности	41 %
Обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов	33,5 %
Реформа правоохранительных органов для обеспечения безопасности граждан	32,7 %
Повышение стипендий до уровня прожиточного минимума	26,3 %
Обеспечение равных возможностей всех молодых людей в получении высшего образования	20,3 %

Второй тематический блок анкеты был призван «диагностировать» ключевые страхи студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы, а также фобии). В частности, был задан вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасешься больше всего?», распределение ответов на который сложно назвать непредсказуемым. Их варианты, упорядоченные по убыванию набранных долей, сгруппировались в несколько тематических блоков (примем во внимание только варианты, набравшие более 15 % – таблица 2):

- боязнь одиночества (остаться одному – потерять близких, не иметь детей);
- боязнь заболеть неизлечимой болезнью;
- боязнь безработицы и, соответственно, бедности или же денежной работы без возможностей самореализации;
- боязнь разочароваться в жизни – в профессии/деле/любимом человеке/учебе.

Таблица 2 – Процентное соотношение ответов студентов на вопрос: «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаясь больше всего?»

Потеря близких	57 %
Заболеть неизлечимой болезнью	34,4 %
Быть бездетным	31,2 %
Оказаться одиноким человеком	30,8 %
Получать заработную плату, которая не позволит жить так, как хочется	27,4 %
Оказаться безработным	24,4 %
Бедность	22,8 %
Вынужденное трудоустройство на неинтересную, но денежную работу	20,8 %
Разочарование в выбранном деле/профессии	16,2 %
Неудачи в любви	15,6 %
Отчисление (боязнь, что студент не сможет доучиться/получить диплом)	14,6 %
Оказаться под следствием/в тюрьме	13,2 %
Не выйти замуж/не жениться	11,8 %
Умереть	10,8 %
Публичное унижение/оскорбление	10,4 %
Стать жертвой преступников	9,4 %
Внеплановая беременность	7,2 %
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	5 %
Служба в армии	3,6 %
Жизнь без компьютера/сети Интернет	2,6 %
Другое	1,4 %

В значительной степени объясняет столь явно доминирующий среди студентов страх потерять своих близких распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?» (таблица 3). В данном случае имеет смысл рассматривать совокупное распределение вариантов «очень боюсь» и «немного боюсь», потому что все перечисленные угрозы не являются рутинно актуальными (вряд ли кто-то из нас в повседневной жизни – своей или своих близких, знакомых, друзей – а не через средства массовой информации узнавал о таковых). Речь идет об оценке тех или иных угроз как потенциально опасных. Соответственно, 57 % опрошенных боятся потерять своих близких именно потому, что оценивают как высоко вероятные в нашей стране террористические угрозы (81 %), разгул преступности, коррупции и беззакония (более 70 %), последствий мирового экономического кризиса, который существенно повлияет на уровень безработицы, бедности и разгул преступности (70 %), политического экстремизма, стихийных бедствий, военных действий, массовых эпидемий, радиационных, техногенных и экологических катастроф, ядерной войны (свыше 60 %) и т.д.

Таблица 3 – Процентное соотношение ответов студентов на вопрос: «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?»

Насколько ты лично боишься	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Террористических атак в нашей стране	31,9%	81,4%
Разгула преступности в жизни страны	22,1%	73,2%
Столкнуться с коррупцией и беззаконием	13,3%	72,1%
Последствий мирового экономического кризиса (безработицы, падения курса рубля и прочего)	19,6%	69,9%
Политического экстремизма (нападения фашистов, скинхедов, расистов и других националистических группировок)	19,8 %	66,8 %
Столкнуться со стихийными бедствиями (землетрясение, наводнение и прочее)	22,7 %	66,2 %
Столкнуться с военными действиями	21,3 %	65,6 %
Столкнуться с массовой эпидемией	18,4 %	64,5 %
Химического и радиационного заражения воды, воздуха	22,7 %	64,1 %
Столкнуться с экологической катастрофой	13,1 %	63,5 %
Столкнуться с межэтническим конфликтом	11,7 %	60,5 %
Столкнуться с ядерной войной	27,2 %	60,5 %
Полной утраты традиций и культуры в жизни страны	18,4 %	59,2 %
Столкнуться с техногенной катастрофой в жизни страны	15,5 %	58 %
Вытеснения мигрантами коренного населения	13,5 %	54,3 %
Столкнуться с гражданской войной	15,5 %	54,1 %
Столкнуться с революцией/путчем/переворотом	10,8 %	51,4 %
Столкнуться с безвластием, анархией в жизни страны	12,5 %	47,5 %
Столкнуться с вторжением инопланетян в нашу страну	6,5 %	21,9 %

Кроме того, в данном тематическом блоке задавался вопрос «Какие заболевания (в широком смысле этого слова) ты считаешь самыми страшными?». Лидерами студенческого рейтинга стали, с одной стороны, болезни, контролировать или предупредить которые крайне сложно (ВИЧ/СПИД – 78 % и онкологические заболевания – 62 %; сердечнососудистые заболевания, которые являются основной причиной смертности в России, набрали только 15 %, что, видимо, свидетельствует о недостаточной артикулированности данной проблемы в медийном дискурсе, в отличие от предыдущих двух), с другой – наркотическая зависимость (57 %), которую вряд ли можно считать заболеванием в полном смысле этого слова (до сих пор ведутся дискуссии, является ли наркотическая зависимость болезнью или «вредной привычкой»). Впрочем, риск заболеть болезнью из представленных в вопросе списка респонденты оценивают как относительно невысокий (примерно в 20 % в случае онкологии, 14 % – ВИЧ/СПИД, 10 % – наркотической зависимости). Лидерами по риску заболеть оказались сердечнососудистые заболевания (23 %), что, видимо, говорит об осведомленности молодежи о масштабах распространения данной группы болезней в российском обществе, и табачная зависимость (21 %) – здесь, скорее, срабатывает эффект нормализации (курение не воспринимается как болезнь, тем более опасная, – скорее как привычка, не очень вредная на фоне прочих).

В-третьих, в анкете был представлен тематический блок, призванный оценить общий уровень тревожности студенческой молодежи. Распределение ответов на вопрос «Каждый человек сталкивается в жизни с ситуациями, в которых испытывает страх или другие неприятные эмоции. Случается ли с тобой что-то подобное в следующих случаях: <...> ?» показало, что среди студентов преобладающими можно считать одновременно социально-психологические и иррациональные страхи, хотя доля выбравших каждый из них невелика (скажем, каждый третий боится насекомых, большой высоты и публичных выступлений; каждый пятый – темных помещений, некоторых животных и замкнутого пространства).

Более удручающими выглядят оценки студентами своего основного эмоционального состояния за последний месяц: если сложить доли постоянно испытывающих чувство беспокойства и напряжения (15 %) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (34 %), то мы получим половину выборки. Амбивалентность молодежного самосознания проявляется в том, что одновременно 50 % указали, что за последние несколько месяцев им случалось радоваться своим успехам, а 47 % – что испытывали усталость и безразличие (таблица 4). Блок позитивных эмоций представлен более консолидировано (вариации значений от 21 до 32 %), тогда как негативные эмоции демонстрируют больший разброс, и зависть в этом списке явный аутсайдер. Причем «контекст» опроса, несомненно, оказал влияние на «сферу» проявления негативных переживаний: каждый второй респондент утверждает, что таковые за последние несколько месяцев у него были в основном связаны с учебой; примерно у каждого третьего – со всем остальным, то есть с семьей, друзьями, работой и здоровьем (хотя следует учитывать, что в вопросе использовался набор дихотомических шкал).

Таблица 4 – Процентное соотношение ответов студентов на вопрос: «Каждый человек сталкивается в жизни с ситуациями, в которых испытывает страх или другие неприятные эмоции. Случается ли с тобой что-то подобное в следующих случаях: <...> ?»

Случалось ли тебе за последние несколько месяцев:	Условный позитив	Условный негатив
Радоваться своим успехам	49,5 %	-
Чувствовать, что тебе все удастся	32,2 %	-
Чувствовать себя свободным	29,5 %	-
Испытывать абсолютное счастье	28,3 %	-
Ощущать уверенность в завтрашнем дне	20,8 %	-
Ощущать усталость, безразличие	-	46,6 %
Чувствовать обиду	-	29,5 %
Ощущать озлобленность, агрессивность	-	26,7 %
Чувствовать одиночество	-	24,6 %
Ощущать растерянность	-	22,6 %
Испытывать страх	-	17,5 %
Чувствовать отчаяние	-	14,5 %
Испытывать зависть	-	7,9 %

В-четвертых, в анкету был включен тематический блок, позволивший обозначить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций, хотя в целом студенты не склонны демонстрировать устойчивые поведенческие паттерны [11]: треть (35 %) вообще не может спрогнозировать свое поведение, утверждая, что оно зависит от конкретных обстоятельств; треть сохраняет самообладание или же перебарывает страх/негатив (по 30 %); каждый четвертый молча терпит, пока все это закончится (23 %). Если же студенты испытывают сильный

страх или тревогу, то обращаются за советом/поддержкой/утешением к родным и близким людям (46 %) или друзьям (44 %), фактически каждый пятый «ждет, когда само пройдет» (22 %).

Иными словами, ориентация на ближний социальный круг как главный охранительный «оплот» и источник поддержки, которая фиксируется как прямо, так и косвенно в соответствующих вопросах анкеты, свидетельствует о воспроизводстве у молодых поколений вполне традиционных для российского общества ценностных ориентаций – на родных и близких как основу личного мироздания, утрата которой является наиболее болезненной и пугающей.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 13–03–00362.
2. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
3. Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 1997. № 9.
4. Ильясов Ф.Н. Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. 2010. № 9.
5. Бокарев В.А. Трансформация и развитие социально-политических ориентаций учащейся молодежи московского мегаполиса на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
7. Фрейд З. Истерия и страх / пер. с нем. А.М. Боковой. М., 2006.
8. Бек У. Указ. соч.
9. Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. 2009. № 7.
10. Призрачные угрозы: россиянам не свойствен параноидальный страх перед внешним миром. URL: <http://fom.ru/Mir/10097> (дата обращения: 10.01.2014).
11. Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать одновременно несколько предпочтительных/типичных поведенческих стратегий.

References and notes:

1. *The article was performed with financial support from the Russian Humanities Research Foundation, project №13-03-00362.*
2. Yadov, VA 1979, *Self-control and prediction of social behavior of the individual*, Leningrad.
3. Emelianenko, TV 1997, 'Methods of cross-cultural studies of values', *Sociology: methodology, methods and mathematical modeling*, no. 9.
4. Ilyasov, FN 2010, 'The phenomenon of the fear of death in modern society', *Case Studies*, no. 9.
5. Bokaryov, VA 2009, *Transformation and development of socio-political orientations of students of the Moscow metropolis at the turn of XX-XXI centuries*, D. Phil. thesis abstract, Moscow.
6. Beck, U 2000, *Risk Society. On the way to another modernity*, Moscow.
7. Freud, Z 2006, *Hysteria and fear*, Moscow.
8. Beck, U 2000, *Risk Society. On the way to another modernity*, Moscow.
9. Gorshkov, MK 2009, 'Phobia, threats, fears: the socio-psychological state of Russian society', *Sociological research*, no. 7.
10. *The Phantom Menace: Russians are not peculiar to the paranoid fear of the outside world*, retrieved 10 January 2014, <<http://fom.ru/Mir/10097>>.
11. *The sum of answers exceeds 100% because respondents could select multiple predpochti-telnyh/tipichnyh behavioral strategies.*